

DOI: 10.15393/j9.art.2012.338

Ольга Алимовна Богданова

доктор филологических наук,

старший научный сотрудник,

Институт мировой литературы им. А. М. Горького

Российской академии наук

(Москва, Российская Федерация)

olgabogda@yandex.ru

ЛЮБОВЬ, ДОЛГ, МАТЕРИНСТВО: ТАТЬЯНА ЛАРИНА В ОЦЕНКЕ БЕЛИНСКОГО, ДОСТОЕВСКОГО И РОЗАНОВА

Аннотация: В статье предложена интерпретация и оценка главного женского персонажа русской классической литературы — пушкинской Татьяны Лариной — в критике и публицистике крупнейших литературных авторитетов разных культурных эпох в дореволюционной России: 1840-х, 1870-х и 1900-х гг. Выразители непохожих тенденций (западнической, В. Г. Белинский, славянофильской, Ф. М. Достоевский, «нового религиозного сознания», В. В. Розанов) последовательно обращаясь к одному и тому же литературному материалу, трактовали его в свете резко несходных идеалов, что влекло за собой диаметрально противоположные оценки. Дискуссионным в их работах становился, в первую очередь, выбор Татьяны между любовью (Онегиным) и супружеским долгом (мужем). Положительная или отрицательная его оценка свидетельствует о религиозно-мировоззренческих позициях названных литераторов, каждый из которых представляет важную тенденцию в русской культуре XIX—XX веков. Исследование позволяет высветить и сопоставить глубинные течения русской литературно-художественной мысли, их переплетение и плодотворное взаимодействие в культурном поле современной России, отозвавшееся в выдвинутой А. И. Солженицыным «национальной идее» рубежа XX—XXI веков — «Сбережение народа».

Ключевые слова: Пушкин, Татьяна, Белинский, Достоевский, Розанов, нравственность, христианство, ум, любовь, семья

Имя, облик, судьба Татьяны, героини пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин», знакомы всем. В школьных сочинениях советской эпохи рассуждали о ее близости к родной природе, скромности и естественности, умилялись ее душевному родству с крестьянкой няней, сочувствовали ее безответной любви к «лишнему человеку» Онегину и дружно соглашались с тем, что Татьяна — воплощение лучших черт русского национального характера.

Между тем школьная программа в СССР обязывала опираться на последнюю статью В. Г. Белинского из цикла «Сочинения Александра Пушкина» (1845), для которого пушкинская героиня — «существо исключительное», «редкий, прекрасный цветок, случайно выросший в расселине дикой скалы»¹. Так кто же она, Татьяна: «тип» или «исключение»? Попробуем разобраться.

Под «дикой скалой» критик, по-видимому, подразумевал всю ту русскую действительность, которая окружала Татьяну в годы ее

детства и юности в глубине сельской России. Это, во-первых, «простая русская семья», в которой она родилась и выросла, семья «старинных» (поместных) дворян, хоть и затронутых западноевропейской образованностью, но сохранивших вековой жизненный уклад, основанный на народно-православном календаре:

У них на масленице жирной
 Водились русские блины;
 Два раза в год они говели;
 Любили круглые качели,
 Подблюдны песни, хоровод;
 В день Троицын, когда народ,
 Зевая, слушает молебен,
 Умильно на пучок зари
 Они роняли слезки три;
 Им квас, как воздух, был потребен...

Во-вторых, люди из народа: мужики, служанки, няня — неграмотные, полные суеверий, под влиянием которых Татьяна верила «и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны». Однако именно няня неосознанно преподает героине урок христианского «смиренномудрия» в рассказе о своей юности. И, в-третьих, общество соседей помещиков, которое предстает на балу у Лариных в честь Татьянинных именин. Это такие же «старинные» дворяне, как и родители Татьяны, незатейливые, порой смешные и грубоватые, верные патриархальным привычкам «Господние рабы».

Неудивительно, что наша героиня, по мнению Белинского, пребывала среди них в состоянии «нравственного эмбриона»², по причине чего и была отвергнута столичным денди Онегиным. Только последующие посещения дома Евгения в его отсутствие, чтение его книг и записей пробудили «спящий» ум девушки, подготовили ее к преобразению в петербургскую светскую даму, достойную внимания этого «передового» человека эпохи. Однако возникает вопрос: почему петербургская Татьяна нравственно привлекательнее для Онегина, чем деревенская? Как могло исключительно умственное развитие вызвать в ней нравственный рост и что же, в конце концов, понимает Белинский под нравственностью?

Традиционное для России христианское сознание привыкло считать нравственным то, что соответствует библейским десяти заповедям и добавленной к ним заповеди Христа: возлюби ближнего своего, как самого себя. Такое представление бытовало и в русском крестьянстве, воспитанном несколькими веками Православия, и в духовно близком ему «старинном» дворянстве. Часто оно не осознавалось. Все помнят пушкинские строки:

Привычка свыше нам дана,
 Замена счастью она.

Недаром такое, казалось бы, приземленное слово «привычка» здесь соседствует со словом «свыше»: Декалог во многом сформировал менталитет человека Древней Руси, отлился в обряды, обычаи, бытовые установления. «Счастье» же в этом контексте — понятие Нового времени (в России — с XVIII в.), гуманистической эпохи, которая провозгласила высшей ценностью земную природу человека со всеми ее страстями, будто бы имеющими право на беспрепятственное удовлетворение. Другими словами, «привычка» у Пушкина — самоограничение во имя Бога, а «счастье» — самоутверждение человека во имя свое. В такой-то «привычке» и была воспитана Татьяна, ей она не изменила до конца.

Я Вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана,
Я буду век ему верна, —

отвечает героиня на любовное признание Онегина в конце романа. Своевольное чувство к Евгению, по ее мнению, должно покориться Божьей воле, проявленной в таинстве венчания с генералом.

Очевидно, что нравственно Татьяна не изменилась, а значит, по слову Белинского, так и осталась «эмбрионом», существом «глубоко чувствующим», но «не развитым»³. Чем же в действительности привлекла она Онегина? — «Проснувшимся» умом, жизненным опытом, светским лоском. Получается, что для нашего критика интеллектуальное и нравственное — синонимы. По его логике, Татьяна перестала быть «нравственным эмбрионом» потому, что «поумнела».

Неудивительно, что Белинский, последователь западноевропейского Просвещения с его рационализмом (разум — высшее в человеке) и утопическим представлением о человеческой природе (она целиком добра, разумна и прекрасна, т. е. не искажена первородным грехом), осуждает Татьяну за отповедь Онегину в конце романа и решение остаться верной мужу, предполагая следующие причины такого поступка: 1) боязнь общественного мнения и 2) «ложные» представления о женской добродетели, восходящие в конечном итоге к Библии. Более того, по мнению критика-атеиста, «безнравственно» жить в браке без любви, а разрушить брачные узы ради счастья с тем, кого любишь, вполне «нравственно». Ведь «человек рождается... на разумно законное наслаждение благами бытия», «его стремления справедливы», «инстинкты благородны», а «зло скрывается не в человеке, но в обществе». «У каждого народа и каждого века свои понятия о нравственности, законном и преступном»⁴, а значит, абсолютных заповедей нет, и «Царство Разума», провозглашенное в Европе XVIII в., должно упразднить «дикие» «привычки» русских женщин к верности, самоотверженности, страданию ради исполнения Божьей воли.

Совсем по-иному позицию Татьяны оценивает Ф. М. Достоевский в своей «Пушкинской речи» (1880). Слова о верности мужу она высказала «именно как русская женщина, в этом ее апофеоза. Она высказывает правду поэмы. О, я ни слова не скажу про ее религиозные убеждения, про взгляд на таинство брака...»⁵, но отказалась идти за Онегиным она не из-за трусости и корысти, а из-за невозможности ради удовлетворения эгоистической страсти причинить страдание неповинному человеку — своему мужу. «Счастье не в одних только наслаждениях любви, а и в высшей гармонии духа»⁶. Другими словами, в согласии с абсолютными, Божьими, нравственными заповедями. Для писателя-христианина Татьяна не «цветок... в расселине дикой скалы», а «тип... стоящий твердо на своей почве»⁷. Чуждый православно русской патриархальной «привычке», «европеец» Онегин «не сумел отличить в бедной девочке законченности и совершенства и действительно... принял ее за «нравственный эмбрион». Это она-то эмбрион..!»⁸ В Татьяне Пушкин показал «соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святыею»⁹ — христианско-православной верой. А у Онегина «что есть и кто он такой?» — «Гордый» и «праздный» человек, ставший в центр мироздания самого себя, свой ум и свои «инстинкты»; один из «русских бездомных скитальцев», которые в процессе европеизации России в послепетровскую эпоху оторвались от национальной «почвы» и уже не способны понимать ее «привычки». Более того, по Достоевскому, Татьяна «глубже Онегина и, конечно, умнее его»¹⁰. Ведь, в согласии с православным вероучением, именно нравственные основы души дают верное направление человеческому разуму, а не наоборот.

Как видим, в вопросе о соотношении ума и нравственности Достоевский и Белинский — антиподы. Их несогласие друг с другом в оценке пушкинской героини восходит, в конечном счете, к различию в восприятии христианских ценностей. Понятно, что в атеистической советской школе за эталон принималось мнение Белинского. (В современной российской школе положение кардинально не изменилось.) Суждения Достоевского узнавались и узнаются намного позже и далеко не всеми. Так в душах миллионов людей поселялся односторонне истолкованный, а значит, искаженный, образ главной героини русской классической литературы. Татьяну критиковали за то, что сумела противостоять нараставшей волне нравственного релятивизма, которая впоследствии разбила столько доверившихся ей сердец.

Любопытный поворот в отношении к пушкинской Татьяне дают высказывания известного эссеиста и мыслителя рубежа XIX—XX вв., основателя «религиозной философии пола» В. В. Розано-

ва. В критическом исследовании «Семейный вопрос в России» (1903) он писал, обращаясь за аргументацией к последнему роману Достоевского «Братья Карамазовы»: не семья в России, а «семейка» [2, 352]. Сокрушаясь о бесцельной растрате (без потомства) «чистейшего отроческого и юношеского семени», в качестве контраргумента он вспоминает героев пушкинского романа:

А посмотрите, как заботимся мы о покое старого генерала, женившегося на Татьяне: лучшая поэма нации написана в защиту его немощных прав, а Достоевский сказал ему оду в Пушкинской своей речи! Воистину, дохлое мы храним, а юное — режем [2, 219—220].

Рассуждая об упадке русской семьи образованного круга, Розанов продолжает:

Из семейных сцен в живописи я помню ярко только одну, виденную лет пять назад в Академии художеств: «Богатый жених». Богатый жених — лысый, во фраке и со звездой, худой, как тощая корова, приснившаяся фараону. Около него — невеста, юная и заплаканная; поодаль — ее бедные родители... Что сюжет такой не случаен и не сатиричен, что он в духе и в нравах нашей жизни, можно судить из того, что не этот ли в сущности печальный и постыдный сюжет Пушкин в «Евгении Онегине» возвел в *chef d'oeuvre* (шедевр (фр.)) умиления и поэзии. Да, «Татьяны милый идеал» — один из величайших ложных шагов на пути развития и строительства русской семьи. Взят момент, минута; взвился занавес — и зрителям в бессмертных, но *кратких* (в этом все дело) строфах явлена необыкновенная красота... Но кто же «она»? Бесплодная жена, без надежд материнства; страстотерпица, «распявшая плоть свою» по старопечатной «Кормчей». Ох, уж эти *кроткие* книги, закапанные воском... Из-под каждой восчинки — слеза, а то и кровь точится... Оставим критику, но вот чего не может не подумать религиозный и социальный строитель: что ведь занавес, эффектно взвитый Пушкиным, *упадет*, что жизнь — не картина, а — *путь*; и какова-то будет Татьяна *не в картине, а в пути*? Прошло пять лет, ну, — десять, двадцать: Татьяна — желчная старуха или — угрюмая. Ей только и осталось, что сплетни и пенсия. Ей-ей, нельзя же о «могиле няни» вспоминать 40 лет; ей теперь 20, а проживет — 60, и, следовательно, в замужестве или вдовой она проживет 40 лет, без детей и внуков, без всякой заботы и работы... уже надорванной в терпении и у которой как бы вырвана тайна и глубина природы женской: «...в болезни будешь рождать детей» <...> И вот в конечных путях своей биографии, не нарисованных Пушкиным, не даст ли она сюжетов, не только некрасивых, но сальных и позорных? <...> Провидение сильнее наших рассуждений. И идеал семьи может быть построен не на расчете *личных* сил человеческих, но на повиновении Богу. Я говорю, идеал Татьяны — лжив и лукав, а в исторических путях нашей русской семьи — он был и губителен. Ибо он построен, красиво и минутно, на предположении героических сил у отдельного существа, а не на том общем законе и инстинкте, что вот... «дети», «я — бабушка», вот — «мои за боты о замужестве дочери и мои вздыхания о ее болезни». Идеал Пушкина не органический и живой, а сделанный...: у Татьяны «детей — нет; супружество — прогорьклое, внуков — не будет, и все в общем гибельнейшая иллюстрация нашей гибельной семьи <...> Великое значение имеет *цепкость к жизни*, и я думаю, цепкая жизнь, на «веки веков», каковая и нужна нации, зиждется и созиждется не на бесплодных Татьянах... Право, было бы глубоко страшно... рискнуть остаться при фарфоровой...

Лизе Калитиной («Дворянское гнездо») и Татьяне Лариной. Полная получилась бы картина национального вырождения [2, 353—354].

Нужная России семья, по Розанову, должна быть построена не на христианской, а на естественной *половой* любви:

Дайте мне только любящую семью, и я из этой ячейки построю вам вечное социальное здание. Построена ли наша и вообще европейская семья на любви? Увы, разберите примеры Калитиной и Татьяны, т. е. разберите самый идеал, зовущий нас, и вы увидите, что семья наша построена на другом принципе — *долга*.

А «долг», в отличие от любви, предполагает возможность измены [2, 354].

Как видим, *нравственное* для Розанова, как и для Белинского, нечто отдельное от библейских заповедей, от церковно-православных обетов. Однако, в отличие от Белинского, оно совпадает не с развитой интеллектуальностью, но с природно-естественным половым влечением, которое Розанов, в духе своего «нового религиозного сознания» и попыток «восполнения» «исторического христианства» «правдой» языческого эллинизма («Святой Плоти», по Д. С. Мережковскому), отождествляет с «повиновением Богу». Только вот какому? При решении вопроса, с кем лучше было бы остаться Татьяне: с молодым любимым Онегиным или пожилым мужем генералом, Розанов ставит во главу угла интересы возможных детей, т. е., по сути дела, языческий идеал процветания *рода* человеческого, а не христианскую цель спасения *индивидуальной* человеческой души. Идеал Татьяны, по Розанову, «ложный шаг на пути развития и строительства русской семьи», потому что, отвергнув Онегина, пушкинская героиня осталась «бесплодной женой, без надежды материнства». Именно в этом смысле идеал Татьяны «лжив, лукав, губителен». Идеалы Татьяны и Лизы Калитиной (эту тургеневскую героиню-христианку, отказавшуюся от счастливого брака с любимым мужчиной ради высших религиозных принципов, Достоевский в «Речи о Пушкине» ставит на один уровень с Татьяной Лариной) ведут к «национальному вырождению». Итак, русская семья, считает Розанов, должна быть основана на естественной любви, а не на христианском «долге». Характерно, что в исполнении этого «долга» Розанов, в отличие от Достоевского, не предполагает радости от достижения «высшей гармонии духа». Более того, для Розанова как будто оказалась закрыта многовековая жизненная практика христианского супружества: в венчанном браке, даже при отсутствии первоначального естественного влечения, в результате полученной благодати и при соблюдении супругами норм христианской жизни рано или поздно между ними неизбежно загорится и

любовь. Поэтому «верность... в конце концов... приведет и Татьяну Ларину к любви не прежней, но к истинной любви, обращенной к человеку, которому уже отдана верность» — такова «простая пушкинская истина — истина любви, рождающейся из верности» [1].

В 1994 г. А. И. Солженицын написал программную статью «Русский вопрос к концу XX века», где впервые выдвинул «национальную идею» русской современности рубежа XX—XXI вв. — «Сбережение народа», составной частью которой становится всемерное поощрение рождаемости. Казалось бы, полное соответствие розановским идеалам столетней давности. Если бы не одно «но»: «Мы должны строить Россию нравственную, — писал Солженицын, — или уж хоть и никакую, тогда и все равно»¹¹. Очевидно, что Солженицын — православно верующий христианин — под *нравственностью* понимал верность библейским заповедям и ничто другое.

Примечания

- ¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1981. С. 410, 408.
- ² Там же. С. 422.
- ³ Там же. С. 421.
- ⁴ Там же. С. 393.
- ⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1990. Т. 26. С. 141.
- ⁶ Там же. С. 142.
- ⁷ Там же. С. 140.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 143.

Список литературы

1. Кошемчук Т. А. Жизнеотрицание и жизнеутверждение в мире Чехова // Вестник Литературного института. 2011. № 1. С. 31—52.
2. Розанов В. В. Семейный вопрос в России. Т. I, II. Материалы для III тома / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2004. 832 с.

Olga Alimovna Bogdanova

*Doctor of Philology, Senior Researcher,
Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
olgabogda@yandex.ru*

LOVE, DUTY, MOTHERHOOD: TATYANA LARINA AS SEEN BY BELINSKY, DOSTOEVSKY AND ROZANOV

Abstract: The article looks at the interpretation and assessment of the most important female protagonist in Russian literature — Pushkin's Tatyana Larina — by authoritative figures in literary criticism in pre-revolutionary Russia. In 1840s, 1870s and 1900s key

figures in various schools of thought: Westernizers (V. G. Belinsky), Slavophiles (F. M. Dostoevsky), representatives of “new religious consciousness” (V. V. Rozanov) repeatedly returned to the same texts to interpret them in accordance with radically different ideals, which turned their assessments into polar opposites. The primary moot point was Tatyana's choice between love to Onegin and spousal duty to her husband. A positive or negative take on the choice Tatyana made characterizes the religious stance and worldview of the three authors and the strands of 19th and 20th century Russian culture they represent. Our study has allowed us to underscore and compare the deep currents of Russian religious and artistic thought, their interconnections and mutual influence within the cultural field of contemporary Russia. It has found resonance in the ‘national idea’ of the turn of the 21st century as expressed by A. I. Solzhenitsyn — “the preservation of the people”.

Keywords: Pushkin, Tatyana, Belinsky, Dostoevsky, Rozanov, morality, Christianity, reason, love, family

References

1. Koshemchuk T. A. Zhizneotritsanie i zhizneutverzhdenie v mire Chekhova [Negation and Affirmation of Life in Chekhov's Art World]. *Vestnik Literaturnogo instituta [The Messenger of The Maxim Gorky Literature Institute]*, 2011, no. 1, pp. 31—52.
2. Rozanov V. V. *Semeynyy vopros v Rossii. Tomy I—II. Materialy dlya III toma [The Family Question in Russia. Vol. I, II. Materials for Volume III]*. Moscow, Respublika Publ., 2004. 832 p.